

Научно-литературный сборник « Будущности»

Том 1. — 1900

УДК 82-3
ББК 84
Н34

Н34 Научно-литературный сборник «Будущности»: Том 1. — 1900 / — М.: Книга по Требованию, 2023. — 420 с.

ISBN 978-5-518-05546-9

Приложение к еженедельному изданию, выход. под редакцией С. О. Грузенберга.

ISBN 978-5-518-05546-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Религія и политика въ исторіи древнихъ евреевъ.

Въ послѣдніе годы интересъ къ нашей древней исторіи захватываетъ все больше и больше слоевъ еврейскаго общества. Особенно надо радоваться тому, что и среди интеллигентныхъ классовъ, одно время чуждавшихся всего еврейскаго, ознакомленіе юношества съ исторіей нашего народа признается теперь важнымъ элементомъ внѣшкольнаго воспитанія. Пусть, говорятъ, наши дѣти узнаютъ славное и великое прошлое своего народа, и пусть это знаніе послужитъ имъ источникомъ благородной гордости, источникомъ утѣшенія въ горестяхъ и разочарованіяхъ, которыя ихъ ожидаютъ въ жизни, оно же да послужитъ имъ источникомъ энергіи для работы въ пользу возрожденія своего народа. Все это справедливо и отрадно. Но, собираясь рассказывать нашимъ дѣтямъ о нашемъ славномъ и великомъ прошломъ, мы, отцы, должны раньше выяснить себѣ, въ чемъ собственно состоятъ слава и величіе нашего прошлаго, въ чемъ наши дѣти должны искать утѣшенія въ горестяхъ, ихъ ожидающихъ, и въ какихъ фактахъ они должны черпать уроки для будущей своей дѣятельности на пользу народа.

Спора нѣтъ, что въ нашей древней исторіи были славные и величественные моменты. Великъ и славенъ былъ Давидъ, соединившій всѣ 12 колѣнъ израилевыхъ въ одинъ народъ и освободившій его отъ всѣхъ его поработителей. Еще величественнѣе, еще славнѣе были Маккавеи, съумѣвшіе завоевать независимое положеніе народу, очутившемуся, такъ сказать, между молотомъ и наковальней—между Сиріей и Египтомъ. Великъ и славенъ былъ Израиль и въ своемъ паденіи. Не легко досталась римскому колоссу его побѣда надъ Баръ-Кохбой, надъ этимъ величественнымъ, но, увы, послѣднимъ героемъ нашей политической исторіи. Но все это было такъ давно, въ такую отдаленную отъ насъ по культурнымъ условіямъ эпоху, а главное—результаты этихъ подвиговъ были такъ недолговѣчны и сравнительно такъ мизерны, что воспоминаніями объ однихъ этихъ только подвигахъ трудно рас-

шевелить нѣсколько притупленное воображеніе дѣтей нашего вѣка. Вѣдь что такое могущество царя Давида и Маккавеевъ на масштабъ современной политики! Какаянибудь Болгарія является чуть ли не гигантскимъ государствомъ въ сравненіи съ древней Іудеею.

Но нѣтъ ли въ нашей исторіи другой славы, другого величія, которыя не измѣряются картографическимъ масштабомъ? Нѣтъ ли въ нашей исторіи другихъ подвиговъ, не эфемерныхъ, а долговѣчныхъ, какъ и самъ еврейскій народъ? Несомнѣнно есть, иначе и самага еврейскаго народа давно не было бы на свѣтѣ.

Мнѣ нѣтъ надобности напоминать, въ чемъ именно заключаются подвиги, благодаря которымъ исторія маленькаго еврейскаго народа стала исторіею почти всего человѣчества. Никогда европейскій юноша не узналъ бы, что существовалъ нѣкогда могущественный ассирійскій царь Санхерибъ, если бы не отношенія его къ далеко не могущественному царю Іезекіи; но и имя самага Іезекіи, если бы не извѣстныя отношенія его къ пророку Исаи, навсегда погрузилось бы въ мракъ неизвѣстности подобно именамъ многочисленныхъ царьковъ и царей, нѣкогда процвѣтавшихъ, но безслѣдно исчезнувшихъ государствъ. Пророческое слово, само безсмертное, спасло отъ забвенія и все то, чего только касалось.

Но вотъ что странно. Рядомъ и какъ бы въ связи съ пробужденіемъ у насъ національнаго самосознанія въ литературѣ проявляется въ послѣднее время тенденція по существу анти-национальная. Мы понимаемъ и находимъ вполне справедливымъ протестъ нашихъ националистовъ противъ ученія нѣмецкаго раввинизма, что еврейство представляетъ собою не народность, а только вѣроисповѣданіе. Если мнѣ кто скажетъ, что я не живой человѣкъ, а лишь отвлеченная идея, я буду это считать кровной обидой. Но я нахожу страннымъ и въ нѣкоторомъ отношеніи даже жестокимъ, когда во имя национальной же идеи ведется борьба противъ доктрины о духовной миссіи еврейскаго народа, доктрины, ведущей свое начало вовсе не отъ нѣмецкихъ раввиновъ, а отъ самихъ пророковъ. Въ цѣломъ рядѣ брошюръ, съ упорствомъ, достойнымъ лучшей цѣли, стараются теперь доказать еврейскому народу, что никакой духовной миссіи у него нѣтъ и никогда не было. Правда, говорятъ намъ, идея о духовной миссіи является какъ будто преобладающимъ мотивомъ всей многовѣковой исторіи евреевъ, но это только потому, что настоящей еврейской исто-

ріи у насъ нѣтъ; мы имѣемъ исторію, фальсифицированную пророками и ихъ послѣдователями, показавшими намъ нашу древнюю жизнь черезъ какую-то богословскую призму въ неестественномъ свѣтѣ. На самомъ дѣлѣ евреи и въ палестинскомъ періодѣ ихъ исторіи были не лучше и не хуже другихъ народовъ; они ѣли и пили, занимались политикой и проливали человѣческую кровь, подобно всѣмъ другимъ порядочнымъ народамъ, и вовсе не занимались разрѣшеніемъ религіозныхъ и этическихъ проблемъ; этимъ празднымъ дѣломъ занималась лишь небольшая группа мечтателей, самозванно выдававшихъ себя за представителей народа и несправедливо завладѣвшихъ вниманіемъ потомства. И если евреи желаютъ получить патентъ на названіе народа въ будущемъ, они должны выкинуть изъ головы всякія фантазіи о какой-то духовной миссіи и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы зажить такъ, какъ живутъ всѣ другіе народы земли.

Какъ видите, эта „анти-миссіонная“ пропаганда ведется не во имя отвлеченной философской мысли, а съ практической цѣлью — съ цѣлью прищипорить инертный народъ къ самодѣятельности. Цѣль несомнѣнно хорошая, хотя средство нѣсколько жестокое. И въ самомъ дѣлѣ, не жестоко ли сказать мыслящему бѣдняку, воображающему, что онъ имѣетъ какія то заслуги предъ человѣчествомъ,—не жестоко ли сказать ему, что его жизнь никому не нужна была, что онъ даромъ коптилъ небо, но если онъ хочетъ пріобрѣсти уваженіе окружающихъ, то пусть продастъ послѣднюю рубашку и купитъ себѣ или лотерейный билетъ, или веревку на шею. Лотерейный билетъ, конечно, купить можно,—отчего не купить? Надежда вещь хорошая; но для чего лишать бѣдняка самоуваженія? Вѣдь неровенъ часъ, и лотерея не выгоритъ; пусть ужъ бѣдняга тѣшится хоть тѣмъ, что не даромъ живетъ на свѣтѣ; петлю на шею все равно не наложить онъ. Весь вопросъ сводится только къ тому, есть ли у евреевъ реальное основаніе для самоуваженія, если не въ настоящемъ, то хоть въ прошломъ. Если еврейскій народъ давно уже не выполняетъ своей миссіи, если при данныхъ обстоятельствахъ онъ и выполнять ее не можетъ, то это не доказываетъ еще, что самой миссіи не существуетъ.

Противники ученія о религіозной миссіи, указывая на богословскую окраску нашей исторіи въ древнѣйшемъ ея періодѣ, требуютъ, во 1-хъ, пересмотра нашей исторіи въ смыслѣ очищенія ея отъ богословскаго баласта, и во 2-хъ—

реабилитация царей израилевыхъ, къ которымъ пророки относились, будто бы, не совсѣмъ безпристрастно. Но пересмотръ еврейской исторіи едва ли можетъ быть предпринятъ въ настоящее время за отсутствіемъ новыхъ фактовъ и вообще какихъ бы то ни было документовъ, кромѣ тѣхъ, которые случайно сохранили намъ пророки. Что же касается реабилитации древне-еврейскихъ царей, то эту задачу я постараюсь отчасти выполнить въ настоящемъ изслѣдованіи, хотя долженъ предупредить, что мои выводы врядъ ли оправдаютъ ожиданія анти-миссіонистовъ. Въ противоположность имъ я думаю, что пророки не только по своему освѣтили еврейскую исторію, но по своему и *сдѣлали* ее. По моему, вся палестинская исторія евреевъ представляетъ въ сущности непрерывную борьбу религіознаго начала пророковъ съ политическимъ началомъ царей, и торжество религіознаго начала именно и обусловило собою атрофію политическаго инстинкта у еврейскаго народа.

I.

Что такое—политическое начало и что такое начало религіозное? Подъ политическимъ началомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова мы понимаемъ дѣятельность какого нибудь народа, направленную къ увеличенію его роста, къ сдѣпленію его составныхъ частей и къ предохраненію ихъ отъ растворенія въ массѣ другихъ, окружающихъ его народовъ. Подъ религіознымъ же началомъ мы разумѣемъ стремленіе народа опредѣлить отношеніе человѣка къ міру духовному, установить вытекающія изъ этого отношенія этическія правила и выработать символизирующіе это отношеніе религіозные обряды и обычаи. А ригігі, казалось бы, нѣтъ достаточныхъ основаній для проведенія рѣзкой границы между этими двумя сферами человѣческой дѣятельности, въ особенности въ томъ случаѣ, когда политика и религія являются продуктами самостоятельнаго творчества данной народности. И въ самомъ дѣлѣ, одной изъ главныхъ задачъ политики, это — увеличеніе роста, слѣдовательно, и могущества націи; но ростъ націи совершается обыкновенно двумя способами, которые я считалъ бы удобнымъ назвать: 1) экзогеннымъ ростомъ, т. е. нарастаніемъ извнѣ и 2) эндогеннымъ ростомъ т. е. ростомъ изнутри. Экзогенный, или внѣшній, ростъ происходитъ въ томъ случаѣ, когда данный народъ, получивъ почему-либо преобладаніе надъ сосѣдними народами, покоряетъ ихъ физически или нравственно, мало по малу ассимилируя ихъ и какъ бы претворяя ихъ въ соб-

ственную плоть и кровь. Эндогеннымъ же, или внутреннимъ, ростомъ мы называемъ естественное наръстаніе населенія какаго нибудь народа, благодаря перевѣсу рождаемости надъ смертностью. Но этотъ перевѣсъ, находясь въ прямой зависимости отъ экономическаго благосостоянія народа, слѣдовательно, и отъ политической его организаціи, зависитъ въ известной степени также отъ усвоенныхъ народомъ религіозныхъ воззрѣній. Та религіозная система, которая воспитываетъ народъ въ духѣ умѣренности и воздержанія, которая клеймитъ извѣстныя излишества какъ преступленія, естественно предохраняетъ его отъ вырожденія и, слѣдовательно, усиливаетъ перевѣсъ рождаемости надъ смертностью. Съ другой стороны, многіе народныя обычаи и установленія, обязанныя своимъ происхожденіемъ инстинкту самосохраненія и принадлежаще, слѣдовательно, къ сферѣ политической, въ принятомъ нами смыслѣ, съ теченіемъ времени освящаются авторитетомъ религіи и принимаютъ характеръ божественныхъ установленій. Такихъ примѣровъ въ каждой древней религіи очень много и мнѣ нѣтъ надобности на нихъ указывать.

Мы видимъ такимъ образомъ, что религія и политика по сущности своей не только не представляются взаимнопротивоположными, но, напротивъ, дѣйствуютъ часто въ одномъ и томъ же направленіи, взаимно другъ друга дополняя. На самомъ дѣлѣ однако же это не всегда такъ бываетъ. Не говоря уже о народахъ, которые заимствовали свою религію у другихъ и которые обречены, поэтому, на вѣчныя противорѣчія между религіею и политикою, необходимо признать, что и у народовъ, у которыхъ религія является продуктомъ самостоятельнаго творчества, она шествуетъ рука объ руку съ политикою только до известной границы, далѣе которой пути ихъ расходятся. Земное не всегда мирно уживается съ небеснымъ уже потому, что земное непрерывно измѣняется, а небесное хочетъ быть вѣчнымъ.

Наглядно мы видимъ это явленіе въ исторіи древнихъ евреевъ. Еврейскій монотеизмъ, благодаря присущимъ ему этическимъ началамъ, не только содѣйствовалъ внутреннему росту націи, но сыгралъ вначалѣ также и роль политическаго фактора въ смыслѣ объединенія двѣнадцати колѣнъ Израиля въ одинъ народъ; но тутъ его политическая роль прерывается, и онъ превращается въ анти-политическій факторъ, препятствуя дальнѣйшему внѣшнему росту націи.

II.

Начнемъ наше обозрѣніе съ эпохи пророка Самуила, такъ какъ съ этого времени собственно и начинается непрерывная писанная исторія евреевъ. Событія же предшествовавшаго періода, отъ завоеванія Ханаанской земли до Самуила, хотя изложены какъ будто въ хронологическомъ порядкѣ, имѣютъ однакоже характеръ разрозненныхъ народныхъ преданій. Впрочемъ, и книга Судей представляетъ не малый интересъ для изслѣдователя еврейской древности; она живо и съ неподражаемой простотой рисуетъ передъ нами картины политическаго состоянія нашего народа въ эпоху его зарожденія. Когда бы ни произошла окончательная редакція этой книги но архаическій слогъ ея, тонъ разсказа и отношеніе автора къ описываемымъ событіямъ не оставляютъ сомнѣнія въ древнемъ происхожденіи и подлинности значительной части матеріала, изъ котораго она составлена. Можно такимъ образомъ принять, что описываемыя въ ней событія, независимо отъ придаваемого имъ авторомъ освѣщенія, отражаютъ культурное и политическое состояніе народа, какимъ оно было въ дѣйствительности. Какъ же оно рисуется въ этой книгѣ?

По обоимъ берегамъ Іордана, на пространствѣ земли г. 20 или 25 тысячъ кв. кил., жили 12 колѣнъ израилевыхъ, отрѣзанныхъ отъ Средиземнаго моря полосой земли, занятой съ сѣвера финикійцами, а съ юга—филистимлянами. Съ юга и востока израильтяне были также окружены враждебными, хотя и родственными племенами: мидіанитами, идумеями, моавитами и амонитянами, а на сѣверѣ, на антиливанской возвышенности, жило горное семитское племя—арамейцы, אַרַמִּי, которые въ ту пору еще ничѣмъ не заявляли о своемъ существованіи. Финикійскія владѣнія, кромѣ того, врѣзались клиномъ въ глубь израильскаго владѣнія, такъ что верхушка этого клина достигала почти самого Іордана (Beth-Scheon); на сѣверныхъ же окраинахъ даже покоренные финикійцы не были истреблены евреями, а продолжали жить между ними, въ качествѣ данниковъ, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ области Ассира и Нафтали) преобладающій элементъ населенія יְהוּדִים וְכַנְעַנִּים וְחִתִּים וְכַנְזִי וְכַנְזִי *). Въ продолженіе цѣлыхъ пяти вѣковъ израильтяне, перековавъ свои мечи на сошники, мирно уживались съ покоренными ханаанскими пле-

*) Judic. I, 32.

менами, совершенно забывъ про грозную заповѣдь Моисея: „не оставляй въ живыхъ ни единой души“. Мы не будемъ, конечно, поминать за это лихомъ нашихъ отдаленныхъ предковъ. Истребительная война, предписанная Моисеемъ, хотя являлась политической необходимостью, мало гармонировала съ остальнымъ его ученіемъ. Но еще меньше того оно гармонировало съ характеромъ израильскаго племени. Народъ, изъ нѣдръ котораго вышли впоследствии люди, провозгласившіе идеаломъ международныхъ отношеній перекованіе мечей на сошники и копій на серпы, — такой народъ уже въ младенчествѣ своемъ долженъ былъ питать отвращеніе къ безполезному проливанію человѣческой крови. Я говорю „безполезному“ потому, что, вѣдь, въ концѣ концовъ ханаанскія племена были ассимилированы Израилемъ и содѣйствовали такимъ образомъ внѣшнему росту послѣдняго. Чего не сдѣлалъ мечъ, совершила болѣе зрѣлая культура.

Но если мы охотно прощаемъ теперь нашимъ предкамъ ихъ мирное отношеніе къ покореннымъ племенамъ, то не можемъ не осудить ихъ за ихъ враждебное отношеніе другъ къ другу. Партикуляризмъ — исконный грѣхъ еврейскаго народа. Окружающія племена то здѣсь, то тамъ, беспокоили израильтянъ своими нападеніями. Израильтяне были многочисленнѣе не только каждаго изъ этихъ племенъ въ отдѣльности, но, можетъ быть, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ; но они не сумѣли сплотиться въ одинъ народъ, чтобы общими силами отразить нападеніе. Не слѣдуетъ представлять себѣ Судей израилевыхъ общенародными вождями; это были только предводители отдѣльныхъ колѣнъ, и самое большее, если кому нибудь изъ нихъ удавалось собрать вокругъ своего знамени 2—3 сосѣднихъ колѣна. Когда амонитяне тѣснили жителей Гилеада, то послѣдніе напрасно вопили о помощи къ эфраимитамъ, но когда Ифтаху удалось побѣдить амонитянъ, эфраимиты затѣяли братоубійственную войну противъ гилеацевъ изъ опасенія, какъ бы послѣдніе не заняли то первенствующее положеніе въ Израилѣ, на какое всегда претендовали эфраимиты. Колѣно Іудино, нѣкогда самое многочисленное и самое храброе, въ данное время жило совершенно изолировано, не принимая участія въ отраженіи внѣшнихъ враговъ и мирясь съ постыднымъ игомъ филистимлянскимъ. И когда народный богатырь Самсонъ, на свой страхъ и рискъ, причинившій много вреда филистимлянамъ, укрывался однаж-

ды въ горахъ іудейскихъ, колѣно Іудино не посовѣстилось выдать его филистимлянамъ. Пророчица Дебора, въ своей знаменитой побѣдной пѣснѣ, выражаетъ изумленіе, что колѣно Рувино, въ годину народнаго бѣдствія, осталось „спокойно сидѣть въ своихъ долинахъ, прислушиваясь къ блеянію своихъ стадъ“ *); она перечисляетъ всѣ колѣна Израиля, восхваляя одни и проклиная другія, что „не пришли на помощь богатырямъ Божіимъ“. Колѣно же Іудино пророчица совсѣмъ замалчиваетъ; она какъ будто забыла о его существованіи.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы чувство національнаго единства совершенно отсутствовало тогда у сыновъ израилевыхъ. Въ народѣ сохранилось еще воспоминаніе о совмѣстномъ странствованіи по пустынѣ и совмѣстномъ завоеваніи обѣтованной земли. Сохранились воспоминанія объ общемъ вождѣ-законодателѣ, о которомъ свидѣтельствовалъ народу ковчегъ со скрижалями завета, хранившійся въ Силомскомъ храмѣ. Существовала, наконецъ, общая національная вѣра въ Единого Бога, Творца небесъ и земли и спеціальнаго защитника израильтянъ. Но всѣ эти воспоминанія и вѣрованія, не поддерживаемыя организованнымъ сословіемъ жрецовъ, были такъ смутны и такъ неопредѣленны, что не могли еще служить живымъ факторомъ объединенія. Колѣно Левитово, разсѣянное между остальными 12 колѣнами, должно было, по плану законодателя, играть роль народныхъ учителей и вмѣстѣ съ тѣмъ роль соединительнаго цемента; но оно не оказалось на высотѣ своего призванія. Ради личной корысти они именемъ Іеговы распространяли въ народѣ суевѣріе и духъ сепаратизма. Вспомнимъ исторію о серебрянномъ идолѣ Михея, вспомнимъ рассказъ о возмутительномъ поведеніи сыновей силомскаго священника Эли.

Да, въ то время были только сыны Израиля; народа израильскаго еще не было.

Но случилось одно событіе, заставившее всѣхъ сыновъ Израиля почувствовать себя однимъ народомъ. Я говорю о страшной народной трагедіи, извѣстной подъ именемъ „Гивеанской наложницы“ גִּיבְעָתָא שְׂמִינָא. Извѣстна эта возмутительная по своему началу и печальная по своимъ послѣдствіямъ исторія. Жители города Гивеа совершили по истинѣ содомскій поступокъ; народъ, „весь народъ, какъ одинъ человѣкъ“, по-

*) Ibid. V, 16.

требовалъ отъ колѣна Веніамина выдачи преступниковъ. По обычаямъ патріархальнаго порядка, веніаминиты должны были защищать своихъ сородичей, все равно—виноваты ли они или нѣтъ. И вотъ загорѣлась братоубійственная война, закончившаяся почти полнымъ истребленіемъ колѣна Веніамина. Ужасомъ вѣетъ отъ каждой эпической подробности этой страшной трагедіи и, тѣмъ не менѣе, при чтеніи ея вами незамѣтно овладѣваетъ и нѣкоторое чувство нравственнаго удовлетворенія. Отрадно сознавать, что евреи даже на низкой ступени культурнаго развитія уже способны были возмущаться безнравственнымъ поступкомъ. Основные черты будущаго еврейскаго народа сказались тутъ во всей ихъ полнотѣ. Когда амонитяне били гилеадцевъ, эфраимиты не чувствовали боли, но когда среди Израиля совершено было беззаконіе, весь народъ „отъ Дана до Бееръ-Шева“ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и выступилъ за поруганную справедливость.

Но это былъ только мимолетный подъемъ національнаго самосознанія. Оскорбленное нравственное чувство народа было удовлетворено, и „разошлись оттуда сыны Израиля каждый по своему колѣну и своему роду, ибо, поясняетъ лѣтописецъ: въ тѣ дни не было царя во Израилѣ“ *). Для упроченія чувства національнаго единства въ народѣ нуженъ непрерывно дѣйствующій объединительный органъ. Такимъ органомъ явился институтъ пророковъ, подготовившій почву для своей соперницы, для царской власти. Но фактъ, что первые шаги народа на пути національнаго самосознанія направлены были пророками, были причиною того, что пророки наложили свою печать и на всю дальнѣйшую судьбу народа. И нравственная судьба отдѣльнаго человѣка вѣдь также очень часто опредѣляется душевнымъ складомъ его первой няни.

III.

„И узналъ весь Израиль отъ Дана до Бееръ Шева, что вѣренъ Самуилъ Іеговѣ, какъ пророкъ“ **). „И странствовалъ онъ ежегодно и обходилъ онъ Бетъ Эль и Гилгалъ и Мицпа и судилъ Израиля во всѣхъ мѣстахъ сихъ и возвращался въ Раму, гдѣ былъ его домъ, и тамъ судилъ онъ Израиля“ ***). Не Силомскій храмъ сталъ центромъ народнаго единства, не ковчегъ заавѣта, нѣкоторое время даже находившійся въ плѣну

*) Ibid. XXI, 24, 25.

**) Sam. III. 20.

***) Sam. VIII. 16.

у похитившихъ его филистимлянъ, центромъ народнаго единства стало живое пророческое слово.

Но чтобы пророческое слово проникало повсюду, по всему Израилю, нужно было, чтобы оно исходило не изъ устъ одного человѣка, а изъ устъ многихъ. И съ этой цѣлью Самуиломъ была учреждена школа пророковъ. Выраженіе „школа“ слѣдуетъ понимать не въ фигуральномъ, а въ самомъ буквальномъ, почти въ современномъ смыслѣ этого слова. Это означаетъ, что среди бѣднаго разрозненнаго земледѣльческаго населенія съ весьма слабыми зачатками культуры и почти безъ всякой политической организаціи, вдругъ, по инициативѣ одного человѣка, возникаетъ цѣлый классъ людей, специально занимающихся культивированіемъ человѣческаго слова, и не только устнаго, но и писаннаго. Припомнимъ, что это было въ XII вѣкѣ до христіанской эры.—Мало того, болѣе душой о разрозненности народа и догадываясь, что самымъ вѣрнымъ противоядіемъ противъ разрозненности является историческое самосознаніе, эти люди ревностно собираютъ и записываютъ всѣ преданія о минувшей жизни народа и ведутъ подробную лѣтопись текущихъ событій. Что исторіографія достигла тогда уже извѣстной степени развитія, видно изъ того, что авторъ книги хроникъ, жившій восемь вѣковъ спустя (незадолго до Александра Македонскаго) еще имѣлъ предъ собою три сочиненія изъ этого времени *).

Лѣтописецъ, описывая первый дебютъ Самуила въ качествѣ пророка, сообщаетъ, что „слово Божіе было весьма рѣдко въ тѣ дни“ **). Между тѣмъ, къ концу жизни Самуила мы часто встрѣчаемъ сонмы пророчествующихъ, то подъ непосредственнымъ руководствомъ Самуила, то вдали отъ него. На какія темы они пророчествовали, намъ неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ темъ было единство народа, иначе непонятно было бы, какъ 12 колѣнъ, часто враждовавшихъ между собою, вдругъ настолько почувствовали свою взаимную связь, что стали требовать отъ Самуила, чтобы онъ поставилъ надъ ними царя, „дабы они были подобны всѣмъ другимъ вародамъ“.

Лѣтописецъ подробно описываетъ упорство, съ какимъ Самуилъ сопротивлялся этому требованію народа. „Не меня, говорилъ онъ,—отвергаете вы, а Бога отвергаете вы отъ цар-

*) I chronic. XXIX, 29. דברי שמואל הרואה, דברי נתן הנביא ודברי נד ההנה

**) Sam. III, 1.